

Две концепции поэмы «Двенадцать»

Поэма «Двенадцать» до сих пор неоднозначно трактуется исследователями, хотя ее высокие художественные достоинства никем не оспариваются. Вот, к примеру, два разных взгляда на содержание поэмы А. Блока и изображение революции в ней.

1. Поэма «Двенадцать» как венец «трилогии вочеловечения»

С Октябрем поэт связывает время решающих перемен в жизни России. О своем безоговорочном приятии революции он открыто заявил в статье «Интеллигенция и революция». Художественным выражением этого признания стали знаменитая поэма «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». Поэма «Двенадцать» формально не входит в блоковскую «трилогию», но связана с ней многими нитями. Она явилась высшей ступенью его творческого пути.

«...В январе 1918, — свидетельствует поэт, — я в последний раз отдался стихии <...>. Во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». И еще: «...Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронесшийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства».

Вот эта «буря во всех морях» и нашла свое выражение в поэме. Ее действие разворачивается на фоне разгулявшихся природных стихий («Ветер, ветер — / На всем божьем свете!»; «ветер хлесткий», он «гуляет», «свищет», «и зол, и рад»: «разыгралась чтой-то вьюга»; «Ох, пурга какая, спасе!»; «Вьюга долгим смехом / Заливается в снегах» и т. д.). Очевидно, что романтические образы ветра, метели имеют и символический смысл.

Но основа содержания поэмы — «буря» в море жизни. Строя ее сюжет, Блок широко использует прием контраста, который заявлен уже в первых двух строках: «Черный вечер. / Белый снег». Резкое противопоставление двух миров — «черного» и «белого», старого и нового — выявляется в двух первых главах поэмы. В одной — сатирические зарисовки обломков старого мира (буржуя, «писателя-витии», «товарища-попа», «барыни в каракуле», уличных проститутток... В другой — коллективный образ двенадцати красногвардейцев, представителей и защитников «новой жизни». Блок нисколько не «выпрямляет», не идеализирует своих героев. Выразители народной стихии, они несут в себе и все ее крайности. С одной стороны, это люди, сознающие свой высокий революционный долг («Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!») и готовые его исполнить:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
 В кондовую,
 В избяную,
 В толстозадую!

С другой стороны, в их психологии еще живы и отчетливо выражены настроения стихийной, анархической «вольницы»:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтыба!

Да и «событийная» линия поэмы — нелепое убийство красногвардейцем Петрухой своей любовницы Катьки — тоже подчеркивает неуправляемость поступков красно-

гвардейцев и вносит в ее колорит трагическую окраску. Блок видел в революции не только ее величие, но и ее «гримасы». В статье «Интеллигенция и революция» читаем: «Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька? <...> что так “бескровно” и так “безболезненно” разрешится вековая распря между “черной” и “белой” костью?..» Но главным для него было то, чтобы «октябрьские гримасы», которых, по убеждению поэта «могло быть во много раз больше», не заслонили «октябрьского величия».

Величие и правоту «революции-бури», несущей возмездие старому миру, Блок утверждает в заключительной, финальной главе поэмы, где впереди двенадцати красногвардейцев — «апостолов» новой жизни возникает образ Иисуса Христа. Этот образ многим казался случайным и неуместным. Да и сам автор не был полностью удовлетворен своим решением. «Мне тоже не нравится конец “Двенадцати”, — говорил он К. Чуковскому. «Когда я кончил, я сам удивился: почему же Христос? Неужели Христос? Но чем больше я вглядывался, тем явственнее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: К сожалению, Христос». А вот запись поэта от 18 февраля 1918 г.: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, “достойны ли они его”, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо — Другого — ?» Может быть, именно этим объясняются разные трактовки исследователями поэмы блоковского Христа: символ революционера, символ будущего, языческий Христос, старообрядческий «сжигающий» Христос, сверхчеловек, Христос как воплощение Вечной Женственности, Христос-художник и даже Христос-антихрист... Думается, что все эти толкования уводят от главного — образ Христа позволяет поэту оправдать революцию с точки зрения высшей справедливости.

И, наконец, о художественном новаторстве «Двенадцати». Поэт сумел отразить в поэме «музыку» тех дней, которая звучала и в нем самом. Это отразилось в ритмическом, лексическом и жанровом многоголосии поэмы. Традиционные ямб и преобладающий в поэме хорей сочетаются с разноstopными модификациями классических размеров, с дольником и нерифмованным стихом. В поэме звучат мелодии марша, городского романса, частушки, революционной и народной песни, лозунговые призывы. Блок широко использует разговорную, а зачастую и сниженную, «уличную» лексику. И все это представляет органичное целое. 29 января (11 февраля) 1918 года, в день завершения поэмы, Блок в своей записной книжке не без гордости заметил: «Сегодня я — гений».

Вслед за «Двенадцатью» было написано стихотворение «Скифы» (1918). Противопоставляя «цивилизованный» Запад и «азиатскую» Русь, поэт от имени революционной, «скифской» России призывает народы Европы покончить с «ужасами войны», вложить «старый меч в ножны». Стихотворение завершается призывом к единению:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Так завершилась «трилогия вочеловечения».

(А.В. Терновский)

2. Поэма «Двенадцать» как изображение гибельного пути России

Трудно согласиться с тем, что «Двенадцать» — венец «трилогии вочеловечения» Блока. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что поэма отобразила романтический подъем на фоне разгулявшейся природной стихии. Однако нигде эта стихия не несет какой-либо положительной нагрузки. Стихия как бы сама по себе, она, скорее, сродни гибельному ветру, с которым для Блока связан образ России. Именно поэтому можно утверждать, что в поэме отображен не романтический подъем, а глубоко переживаемая поэтом духовная пустота, осознание нецелостности мира, невозможности достижения гармонии.

Традиционная точка зрения советского блоковедения состоит в том, что двенадцать красногвардейцев — значительный коллективный образ-символ представителей и защитников «новой жизни». Как положительный момент подчеркивается, что Блок нисколько не «выпрямляет», не идеализирует своих героев, что они выразители народной стихии со всеми ее крайностями, люди, сознающие свой высокий революционный долг и готовые его исполнить.

Можно согласиться, что разрушителей старого ведет дух некоей истины во имя каких-то высоких целей. Можно даже принять, что *субъективно* А. Блок готов был, подобно В. Брюсову, увидеть в них разрушающих старый мир диких гуннов и даже благословить их. Но *объективно* он с гениальной прозорливостью показал, что никаких высоких общечеловеческих целей у двенадцати красногвардейцев нет. Все их высокие порывы только внешне красивы. Красногвардейцы оказываются обыкновенными хулиганами, неизвестно во имя чего совершающими лишь одно действие — они убивают Катюку. Выходит, все абстрактные цели во имя чего-то нового (никому не понятного, не известного) сродни губительному ветру, крутящему Россию. Что будет за метелью, за губительным ветром, поэт не знает, но предчувствует, что его надежды на гармонию вновь не оправдаются. Не знают и красногвардейцы, ради чего и куда они идут.

Даже Иисус Христос в поэме как бы раздвоен: он в «белом венчике из роз», но «с кровавым флагом». Поэтому нельзя согласиться с мнением ряда исследователей о том, что образ Христа помогает поэту оправдать революцию с точки зрения высшей справедливости. Тем более что и сам автор не был удовлетворен своим решением.

В итоге все выходит мертво духовно. Революция оказывается ложной Незнакомкой, отсюда — мрачность, двусмысленность поэмы. Это отлично понял Л.Д. Троцкий, отказавшийся в отличие от советских блоковедов видеть в «Двенадцати» поэму революции.

Думается, что и сам Блок со временем осознал, что его субъективное стремление обрести в революции гармонию нереально. Весной 1920 года на вечере в Политехническом его попросили прочитать «Двенадцать». «Я этой вещи больше не читаю», — ответил поэт.

(С. В. Ломтев)